

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 323: 94(47)

doi 10.17072/2219-3111-2023-2-149-161

Ссылка для цитирования: *Кириянов И. К., Панов П. В.* Мемориальные законы субъектов Российской Федерации и специфика региональной истории: инструментарий для сравнительных исследований // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 2(61). С. 149–161.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И. К. Кириянов

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, 614990, Россия,
Пермь, ул. Ленина, 13а;
Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь,
ул. Букирева, 15
ikiryanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2866-877x
ResearcherID: AАН-5458-2020

П. В. Панов

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, 614990, Россия,
Пермь, ул. Ленина, 13а
panov.petr@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0759-7618;
ResearcherID: O-2160-2016

Предметом исследования стало историческое содержание мемориальных законов субъектов РФ, его зависимость от специфики политической истории территорий современных российских регионов. Качественный анализ исходных данных позволил выявить ряд трендов целенаправленного отражения в законах региональной исторической особенности: подчеркивание уникальности вклада в развитие российской государственности; включение событий, происшедших до вхождения территории региона в состав Российского государства; интерпретация характера вхождения территорий национальных республик в состав России. Для проведения сравнительного количественного исследования был разработан оригинальный инструментарий – индекс специфики политической истории (значения региональных показателей варьируются в интервале от ≥ 0 до ≤ 9) и индекс исторического содержания мемориальных законов (значения региональных показателей варьируются в интервале от ≥ 0 до ≤ 8). Корреляционный анализ выявил статистическую взаимосвязь между спецификой политической истории и историческим содержанием региональных «законов памяти», она оказалась положительной и значимой. Вместе с тем исследование подтвердило то, что в практиках коммеморации исторических событий не все определяется собственно историей. Репертуар актуализированного прошлого, нашедший выражение в законах, в каждом конкретном случае формировался в результате взаимодействия региональных властвующих элит с профессиональными историками и общественными активистами. Разработка инструментария для сравнительного анализа сценариев взаимодействия мнемонических акторов в субъектах РФ и количественного измерения факторов, влияющих на историческую политику в части принятия региональных мемориальных законов, выступает задачей нового исследования.

Ключевые слова: политика памяти, субъект Российской Федерации, мемориальные законы, региональная политическая история, сравнительный анализ.

Введение

Интерпретируя специфику современных социально-политических процессов в регионах России, исследователи, как правило, обращаются к их географическим, социально-экономическим, социокультурным и историческим особенностям. В каждом конкретном случае объяснить своеобразие и даже уникальность региона через подобные особенности чаще всего удается без особых затруднений. Между тем возникает вопрос: насколько такие взаимосвязи универсальны, поддаются ли они генерализации? Поиск ответа предполагает проведение кроссрегиональных сравнительных исследований, для которых, в свою очередь, требуются унифицированные для всех регионов показатели.

Если в отношении географических, социально-экономических и социокультурных характеристик можно найти большое количество подобных индикаторов в разнообразных статистических базах данных, то намного сложнее соотнести регионы по исторической специфике, упорядочить исторические особенности, исходя из их влияния на современную политику, включая политику памяти и историческую политику властвующих элит в субъектах Российской Федерации.

Дефицит «сравнительных исследований, рассматривающих политику памяти не только в региональном, но и в глобальном измерении», отметили Д. В. Ефременко, О. Ю. Малинова и А. И. Миллер в статье, предварявшей работу по проекту РНФ «Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий». По их мнению, сложности с проведением сравнительного анализа политики памяти связаны с тем, что «взаимодействия акторов происходят в исторически уникальных контекстах, что затрудняет построение типологий, позволяющих различать общее и особенное» [Миллер, Малинова, Ефременко, 2018, с. 139–140].

С другой стороны, на необходимость корректного и продуманного применения новых подходов к выявлению специфики исторического развития обращает внимание Л. П. Репина, по мнению которой «региональная история сегодня рассматривается и с применением концепций “ментального пространства” и “воображаемых сообществ”, а также в парадигме “истории памяти” и в плане “изобретения” региональных идентичностей. Однако нельзя не заметить, что без серьезной методологической проработки акцент на проблематику исторической памяти в новейших региональных исследованиях нередко оказывается не просто малопродуктивным, но откровенно манипулятивным» [Репина, 2019, с. 9].

Настоящее исследование ориентировано на решение следующих задач. Во-первых, мы предлагаем оригинальный инструментарий для количественного измерения как специфики политической истории территорий, входящих в состав современных субъектов РФ, так и исторического содержания мемориального законодательства регионов России. Ограничение решаемой задачи рамками политической истории исходило из результатов предварительного анализа содержания региональных «законов памяти», согласно которым репертуар событий и культурных героев связан с конкретными событиями преимущественно истории государственности (учредительное событие, вхождение территории в состав Российского государства, сражения и герои военной истории и т.п.), намного реже для коммеморации предлагаются события и персоналии, ассоциируемые с социально-экономической историей. Во-вторых, исходя из предположения о том, что особенности исторического развития являются «объективными» основаниями для исторической политики, мы предприняем попытку выявить степень зависимости исторического содержания «законов памяти» или реализуемой политики памяти от специфики политической истории региона.

Базовым источником для исследования стали учредительные документы (конституции/уставы) субъектов Российской Федерации и региональные мемориальные законы (законодательство о праздничных и памятных датах). Правоведы А. А. Дорская и А. Ю. Дорский, рассматривая мемориальные законы в качестве инструмента реализации «официальной политики памяти» и развивая позицию историка Г. В. Касьянова, предлагают понимать под ними «нормативно-правовые акты, регулирующие формы и способы использования и репрезентации в публичном пространстве памятных событий прошлого, выступающие частью конструирования национального нарратива памяти со стандартным набором исторических мифов о героях и

жертвах, сакральных символах и памятных местах» (ср. [Дорская, Дорский, 2020, с. 224] и [Касьянов, 2016, с. 28]).

Н. Е. Копосов ввел в научный оборот подразделение мемориальных законов на два типа: «чисто декларативные законы, выражающие официальную оценку государством какого-либо исторического события или явления» и «законы, криминализирующие те или иные взгляды на прошлое (то есть вводящие уголовное наказание за их публичное выражение)» [Копосов, 2011, с. 61–62]. Анализируемое в настоящей работе законодательство субъектов Российской Федерации о праздничных и памятных датах относится к первому типу и отчасти уже становилось в последнее время предметом сравнительных исследований (см., напр., [Назукина, 2021, с. 91–105; Политика памяти..., 2023, с. 35–36]).

Теоретической рамкой для нашего исследования выступает концепт символической политики в интерпретации О. Ю. Малиновой, в соответствии с которой политическое использование прошлого («любые практики обращения к историческому прошлому в политическом контексте вне зависимости от того, складываются ли они в последовательную стратегию»), политика памяти («деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их инфраструктуры») и историческая политика («определенный тип политики, использующий прошлое») рассматриваются как «проявления *символической политики*, т.е. публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [Малинова, 2018, с. 32]. В наборе инструментов этой политики присутствуют публичные коммеморации исторических фигур или событий и государственные праздники, многие из которых также связаны с коллективными «вспоминаниями» прошлого.

Рабочая модель для анализа российских государственных праздников, предложенная О. Ю. Малиновой и В. Н. Ефремовой, исходит из условного подразделения элементов этих праздников на вербальные (идеология праздника) и невербальные (формы празднования). Идеология праздника может быть оформлена в виде нарратива – «совокупности высказываний, текстов, описывающих логику праздничного события», а также нормативно-правовых актов, утверждающих то или иное историческое событие в качестве основания для государственного (регионального) праздника или памятной даты. Нарратив праздника (добавим, и памятной даты) содержательно «в той или иной степени соотносится с национальным нарративом (метанарративом) и пониманием нации и государства, даже если праздник напрямую не связан с провозглашением независимости или приобретением суверенитета», и, «как правило, разворачивается вокруг исторического события прошлого, имеющего общенациональное значение, будь то достижения или конфликты» [Малинова, Ефремова, 2018, с. 125–129]. Уменьшение настройки оптики наблюдения с общенационального масштаба до регионального, на наш взгляд, сути дела не меняет.

Проблема измерения специфики политической истории регионов

Специфика исторического развития регионов рассматривается исследователями как один из важных факторов гетерогенности (регионализации) современных социально-политических процессов. Основополагающее значение для анализа данной проблемы имеют работы С. Роккана, в которых под углом зрения концепции «центр – периферия» рассмотрено становление современных западноевропейских государств и показано, что для успешного сопротивления гомогенизации регион должен иметь ресурсы, и в качестве таковых рассматриваются периферийность географического положения, социокультурная специфика, а также исторический опыт наличия собственных политических институтов [Rokkan, 1973, p. 73–91; Rokkan, Urwin, 1982, p. 1–17].

Адаптируя идеи С. Роккана к исследованию многоуровневой политики, Л. Хуг и Г. Маркс выделили три параметра для идентификации особенности региона: языковую и религиозную специфику, удаленность от центра и способность региона сохранять свою специфику вопреки гомогенизации [Hooghe, Marks, 2016, p. 73]. Индикатором для последнего выступает следующее: регион с XIII в. (времени, когда в Западной Европе складывались централизованные государства) в течение не менее тридцати лет был либо самостоятельным государственным образованием, либо входил в состав иного государства. Статистически значимое влияние истори-

ческого фактора на стремление той или иной части государства к автономии или/и политической независимости выявлено в работах разных исследователей (см. [Jenne, Saideman, Lowe, 2007; Siroky, Cuffe, 2015; Sorens, 2005; Rode, Pitlik, Borrella-Mas, 2018]).

В своем исследовании мы отталкиваемся от методики, предложенной Р. Фитъяром. Для учета исторической специфики при анализе факторов, влияющих на интенсивность региональной идентичности в тринадцати западноевропейских странах, им был разработан индекс исторического суверенитета (historical sovereignty index), предполагающий кодировку по принципу «0 либо 1» следующих трех показателей: входил ли регион в состав государства при его образовании; входил ли регион в состав государства на протяжении всего XX в.; был ли регион в прошлом самостоятельным государством? [Fitjar, 2010].

В нашем случае предлагается семь параметров для количественной кодировки специфики политической истории субъектов РФ (при кодировке использованы разнообразные справочные материалы, в том числе картографические источники информации, в частности проект «Runivers.ru – Россия в подлиннике» (описание проекта см. [Фролов, 2017]):

– Входила ли территория региона в состав Московского Русского государства в 1521 г.? (да – 0, нет – 1) Данный год достаточно конвенционально рассматривается специалистами по исторической/политической географии в качестве хронологической отсечки оформления территории «исторического ядра» России (см. [Любавский, 2000, с. 192–193; Туровский, 1999, с. 92–93; Зайцев, 2006, с. 101; Соколов, 2016, с. 50]) (30 случаев).

– Являлась ли столица современного региона центром одного из княжеств, вошедшего в состав Московского Русского государства до 1521 г.? (16 случаев со значением «1»).

– Имел ли регион собственную государственность до того, как вошел в состав России? Данный показатель применялся для 55 регионов, территории которых не входили в «историческое ядро» России. Этот критерий представляется принципиально важным для политической истории регионов, поэтому ему следует придать больший вес, чем предыдущему. О наличии собственной государственности имеет смысл говорить только в том случае, когда территория региона была ее центром («ядром») или одним из центров, различая при этом государство и протогосударство, в частности племенной союз. Поэтому при кодировке максимальное значение «2» присваивалось тем регионам, на территории которых до вхождения в состав России функционировали политические образования с явными признаками государственности (13 случаев, из них 4 случая со значением «1» и 9 случаев со значением «2»).

– Выходил ли регион из состава России и длительное время находился в составе другого государства (исключались периоды временной оккупации во время войн)? С учетом значимости данного критерия для характеристики специфики политической истории региона ему также придавался повышенный вес – значение «2» (13 случаев).

– Являлась ли территория региона «ядром» антибольшевистской государственности в период Гражданской войны 1918–1922 гг.? (20 случаев со значением «1»).

– Обладала ли столица современного региона «столичным статусом» (центр губернии, области и т.п.) до советских административно-территориальных преобразований? (50 случаев со значением «1», дополнительный балл добавлен Санкт-Петербургу за подобный статус в общероссийском масштабе).

– Принимались ли решения об изменении статуса региона в 1990–1993 гг.: принятие автономными республиками деклараций о государственном суверенитете, преобразование автономных областей в республики, принятие краями и областями деклараций о республиканском статусе? (31 случай со значением «1», включая референдум о государственном и правовом статусе Крыма в составе Украины, который нынешние власти республики рассматривают как начало «пути воссоединения полуострова с Россией» (Первые в СССР..., 2021)).

Таким образом, разработанный индекс специфики политической истории (ИСПИ) субъектов РФ варьируется в интервале от ≥ 0 до ≤ 9 . Максимальное значение индекса определено для Республики Крым (8), на один пункт меньше – для Чеченской Республики (7), тогда как нулевой показатель определен для пяти регионов (Белгородская, Ивановская, Липецкая и Мурманская области, Ненецкий АО).

Политика памяти в регионах России: подходы к сравнительному анализу исторического содержания

Определенные возможности для проведения подобного сравнительного анализа открывают классификации мифологем, положенных в основание региональных исторических нарративов и в самом общем виде отражающих историческую специфику той или иной территории. Так, в корпусе этноцентристских исторических нарративов, получивших развитие в национальных субъектах РФ, В. А. Шнирельман выделяет следующие варианты: об автохтонности; о прародине; о лингвистической преемственности; об «этнической семье»; об этнической однородности; об этническом единстве; о славных предках; о культуртрегерстве; об иноэтничном враге [Шнирельман, 1998, с. 137–139; Шнирельман, 2001]. В свою очередь, для «неэтнических» российских регионов исследователь выделяет такие основания исторических нарративов, как этнизация известных локальных культурных вариантов или изобретение новых; имперские мифы, связанные с русификацией древних иноязычных и инокультурных общностей и «обрусением» культурного ландшафта окраин; идея самобытного исторического культурного очага; идея политической специфики; идея героики, делающая акцент на местных исторических деятелях, оказавших влияние на ход российской истории; геополитический миф [Шнирельман, 2008, с. 10–27].

С. А. Морозов и Е. В. Морозова предлагают несколько иной набор сюжетов региональных мифов: о национальном/региональном государстве; об исторической миссии провинции и народа, ее населяющего; о первоначальном заселении территории и первопоселенцах; «золотом веке» провинции; «своих» и «чужих»; «злом гении»; «культурных героях»; антимосковские мифы [Морозов, Морозова, 2001, с. 107–110]. В свою очередь, М. В. Назукина к числу наиболее распространенных мифологем в российских республиках, связанных с институализацией этничности, относит миф об «особом» народе региона, миф об «особом» региональном государстве или опыте государственности республики, миф о «единении» с Россией, миф о собственных культурных героях/герое [Назукина, 2021, с. 106–126].

Не оспаривая продуктивность подобного подхода, заметим, что его результаты слабо поддаются количественной кодировке, необходимой для проведения сравнительных исследований, которые охватывали бы всю генеральную совокупность субъектов РФ.

Предлагаемая нами модель сравнительного анализа основывается на формализации исторического содержания учредительных документов и «законов памяти» (см.: <https://base.garant.ru/>) по восьми индикаторам количественной кодировки репертуара актуализированного прошлого субъектов РФ:

– Присутствие в тексте учредительного акта субъекта РФ исторического обоснования его принятия (64 случая). В большинстве случаев подобное обоснование представлено короткими вариантами: «основываясь на истории»; «проявляя уважение к истории/исторической памяти»; «уважая вклад предшествующих поколений/предков»; «сознавая историческую ответственность», «осознавая историческую общность» и т.п. (при количественной кодировке подобным случаям присваивалось значение «1»). В 17 случаях конституции/уставы содержат конкретизированные исторические обоснования и даже сокращенные варианты официальных исторических нарративов: «<...> принимая во внимание, что башкирский народ в XVI веке добровольно присоединился к России, в 1919 году на основе Соглашения Центральной Советской Власти России с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии в результате реализации права башкирской нации на самоопределение была образована Башкирская автономная республика в составе РСФСР, преобразованная в 1990 году в Республику Башкортостан в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете Республики Башкортостан» (Конституция Республики Башкортостан); «Принимая во внимание вхождение Якутии в состав Российского государства в XVII веке, образование в 1922 году Якутской Автономной Советской Социалистической Республики как признание государственности Якутии, преобразованной в 1990 году в Якутскую-Саха Советскую Социалистическую Республику в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете республики, переименованную в 1991 году в Республику Саха (Якутия) на основании постановления Верховного Совета Якутской-Саха Советской Социалистической Республики...» (Конституция Республики Саха (Якутия)); «<...> осознавая, что основанный в 1783 году в качестве базы Российского Черноморского флота город Севастополь является легендарным городом воинской славы России, гарантом безопасности ее южных

рубежей и оплотом стабильности в Черноморском регионе, воздавая дань уважения подвигам советских воинов и жителей города в годы Великой Отечественной войны, чей массовый героизм, мужество и стойкость отмечены присвоением городу Севастополю высшей степени отличия – звания “Город-герой”, <...>. подтверждая историческое единство с Россией...» (Устав города Севастополя); «Императорским Указом в 1780 году в г. Саратове было учреждено наместничество, которое с 1782 года стало именоваться губернией. В 1796 году губерния была ликвидирована, а 5 марта 1797 года вновь восстановлена и имела этот статус до 1928 года. В 1928 году была образована Нижне-Волжская область с центром в г. Саратове и в этом же году переименована в Нижне-Волжский край. Постановлением ЦИК РСФСР от 10 января 1934 года из Нижне-Волжского края был выделен Саратовский край, который с принятием 5 декабря 1936 года Конституции СССР стал именоваться Саратовской областью» (Устав Саратовской области) и т.п. (при количественной кодировке подобным случаям присваивалось значение «2»).

– Включение в региональные законы о праздничных и памятных датах/указы глав субъектов РФ конкретных исторических событий, датируемых не позднее 25 декабря 1991 г. (учтено 62 случая, которым при количественной кодировке присваивалось значение «1»). В большинстве случаев обязательно упоминается «учредительная дата», связанная с образованием исторического предшественника субъекта РФ – губернии в имперский период или автономной республики/округа или области/края в советский период, а также памятные для региона даты Великой Отечественной войны. Количественный вес показателя увеличивался, если учитываемые нормативные акты были приняты в 1990-е гг. (10 случаев), если в них предлагается для коллективного вспоминания более одного исторического события (45 случаев), если упоминаются события, датируемые ранее 1917 г. (35 случаев), если упоминаются персоны, оставившие свой след в истории до 1917 г. (16 случаев), если коммеморации подлежат события, переживаемые как историческая травма и связанные, в частности, с событиями Кавказской войны 1817–1864 гг., раннесоветских политических репрессий казачества и сталинских этнических депортаций 1943–1944 гг. (7 случаев).

Таким образом, разработанный индекс исторического содержания мемориальных законов субъектов РФ (ИИСМЗ) может принимать значения в интервале от ≥ 0 до ≤ 8 . Наиболее высокие показатели зафиксированы для Республики Адыгея и Краснодарского края (7); Республики Башкортостан, Кабардино-Балкарской Республики, Чеченской Республики, Воронежской области, Санкт-Петербурга и Севастополя (6), нулевые показатели – для Пермского края, Астраханской, Магаданской, Новосибирской, Омской, Орловской, Пензенской, Рязанской и Томской областей. В ряде случаев развернутые «законы памяти» не были приняты из-за разногласий внутри региональных элит по поводу списка праздничных и памятных дат. Подобная ситуация сложилась, например, в 2016 г. в Магаданской области, где против подготовленного рабочей группой областной думы законопроекта выступили и представители правительства, и местной общественной палаты, и ассоциации коренных малочисленных народов и этнических групп Севера. К тому же в региональной казне отсутствовали средства для организации и проведения необходимых мероприятий (Закон о праздниках..., 2016).

Качественный анализ исходных данных позволяет выявить ряд трендов целенаправленного отражения в «законах памяти» региональной исторической особенности. Один из них реализуется в субъектах РФ, территории которых входили в историческое ядро России, и выражается в подчеркивании уникальности вклада в развитие российской государственности, что порождает едва ли не соперничество между ними по поводу того, «кто матери-истории более ценен». Так, в Петербурге в 2005 г. был установлен День Ладоги – первой столицы Руси, предшественницы Санкт-Петербурга (753 г.). В Ленинградской области эта памятная дата официально отмечается с 2020 г. как День Старой Ладоги – первой столицы Руси. В Новгородской области празднуются Дни зарождения русской государственности (862 г.) – памятная дата, введенная еще в 1862 г. императорским указом и возрожденная в 2011 г. президентским указом. В Ярославской области в 2014 г. был восстановлен введенный Николаем II в 1912 г. День возрождения российской государственности, подчеркивающий значение Ярославля в событиях 1612 г., ставшего в период пребывания в нем ополчения Минина и князя Пожарского фактически временной столицей России. Определенное соперничество просматривается и в отборе почитаемых культурных героев из княжеского рода – устроителей государства: Ярослав Мудрый и

Александр Невский в Ярославской области; Андрей Боголюбский и Александр Невский во Владимирской области; в Псковской области – княгиня Ольга, уроженка местных краев (в проекте закона, разработанного областным советом профсоюзов в 2021 г.).

Другой тренд выражается в стремлении зафиксировать в нормативно-правовых актах события, происшедшие до включения территории современного региона в состав Российского государства. Яркий пример тому – успехи по наращиванию глубины ретроспекции властями Татарстана, добившихся и более древнего возраста для Казани (даже в сравнении с Москвой) и включивших в 2010 г. в «Закон о праздничных и памятных датах Республики Татарстан» от 19 февраля 1992 г. (кстати, самый первый «закон памяти» в постсоветской России) такой даты, как День официального принятия ислама Волжской Булгарией, напоминающей о столь важном для этой древней страны событии 21 мая 922 г. Следует отметить, что в прежней редакции закона единственной исторической датой был День Республики, связанный с принятием 30 августа 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР. Указ главы Чеченской Республики от 2 февраля 2009 г. «Об установлении Дня чеченской женщины» отсылает к массовому подвигу 46 девушек, героически погибших при переправе через Терек после падения села Дади-Юрт 15 сентября 1819 г. В Карачаево-Черкессии законопроектом 2019 г. предлагалось ввести День триумфа абазгского войска, возглавляемого царем Абазгии Леоном, при Анакопии в честь победы в битве 736–738 гг. против арабского войска омейядского халифата (О праздничных днях и памятных датах...). Между тем по крайней мере у двух регионов с длительной дороссийской историей «законы памяти» не ориентированы на столь глубокую ретроспекцию: это Республика Крым, где самая ранняя дата, упоминаемая в законе 2017 г., – 10 июля 1771 г. – отмечается как День освобождения Крымского полуострова от османского владычества в ходе Крымского похода русской армии под командованием В. М. Долгорукова, и это Калининградская область, где подобной ранней датой является 9 апреля 1945 г., отмечаемой как День взятия Кенигсберга, а ведь последний с прилегающей территорией в 1758–1762 гг. уже входил в состав Российской империи.

Еще один тренд связан с трактовками характера вхождения территорий национальных республик в состав России. Только в двух случаях «законы памяти», принятые в постсоветский период, содержат даты, напоминающие о добровольном характере этого процесса. В Бурятии и Ингушетии, в Башкортостане такой памятной даты нет, хотя добровольность и признается конституцией этих субъектов РФ. Напротив, в трех республиках Северного Кавказа – Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии – законодательно закреплена памятная дата День памяти и скорби по жертвам Кавказской войны, напоминающая о военном параде 21 мая 1864 г. проведенном генералом П. В. Граббе в урочище Кбаада (Красная Поляна) в ознаменование победы над горскими народами. В уже упомянутом законопроекте, внесенном в 2019 г. депутатом А. А. Эбзеевым в Народное собрание Карачаево-Черкесской Республики, среди прочих памятных дат предлагались две, явно намекавшие на насильственный характер присоединения: День вхождения Карачая в состав России (Хасаукинское сражение 1828 г.) и День памяти героев и жертв Кавказской войны. Следует обратить внимание и на то, что в Татарстане в 1989–2018 гг. по инициативе общественных организаций, пусть и в неофициальном формате, но достаточно широко отмечался День памяти, посвященный защитникам Казани в 1552 г. (в 2019–2020 гг. у организаторов возникли проблемы с его проведением, в 2021 г. удалось провести согласованное, но малочисленное мероприятие («Чрезвычайно важно...», 2021)), а в Марий Эл с 1991 г. отмечается День национального героя, приуроченный к трагической гибели 26 апреля 1553 г. легендарного марийского князя Болтуша при осаде Малмыжа войсками Ивана Грозного.

Коммеморация «сложных» дат отечественной истории может быть чревата не только академическими и общественными дискуссиями. Так, в конце 2017 г. инициатива калужского губернатора А. Д. Артамонова придать региональной памятной дате – Дню победного окончания Великого стояния на реке Угре 1480 года – федеральный статус вызвала негативную реакцию в Татарстане. В республиканском Государственном совете полагали, что для признания стояния на Угре всероссийской памятной датой нет исторических оснований, полагаясь на заключение Института истории АН РТ, согласно которому стояние «нельзя рассматривать как особо значимое историческое событие, связанное с освобождением Руси от ордынской власти», а «это лишь один из многочисленных, но не решающих эпизодов в борьбе различных образова-

ний и групп за золотоордынское наследие» (Татарстан противостоит..., 2017). В конце августа 2019 г. депутаты Госсовета проголосовали против поддержки данного законопроекта, также направил в Москву свой отрицательный отзыв и глава республики Р. Н. Минниханов. Внесенный в Государственную Думу законопроект «О внесении изменений в статью 1.1. Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России” (об установлении памятной даты России “11 ноября – День окончания Великого стояния на реке Угре (1480)”», поддержанный 60-ю субъектами РФ и федеральным правительством по существу («Великое стояние на реке Угре 1480 года является значительным событием в отечественной истории, в результате которого произошло окончательное освобождение Руси от ига ордынских ханов и была обретена независимость Российского государства с центром в Москве»), был снят с рассмотрения в осеннюю сессию 2019 г. (О внесении изменений...).

Взаимосвязь специфики политической истории и исторической составляющей «законов памяти»

Для выявления и оценки тесноты взаимосвязи между региональными показателями ИСПИ и ИИСМЗ использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена, значение которого составило +0,290 при уровне статистической значимости +0,007. Корреляционные связи между двумя переменными представлены диаграммой рассеяния, на которой визуализированы медианные значения индексов: ИСПИ = 2, ИИСМЗ = 3 (рисунок; субъекты Российской Федерации в используемой базе данных упорядочены по алфавиту).

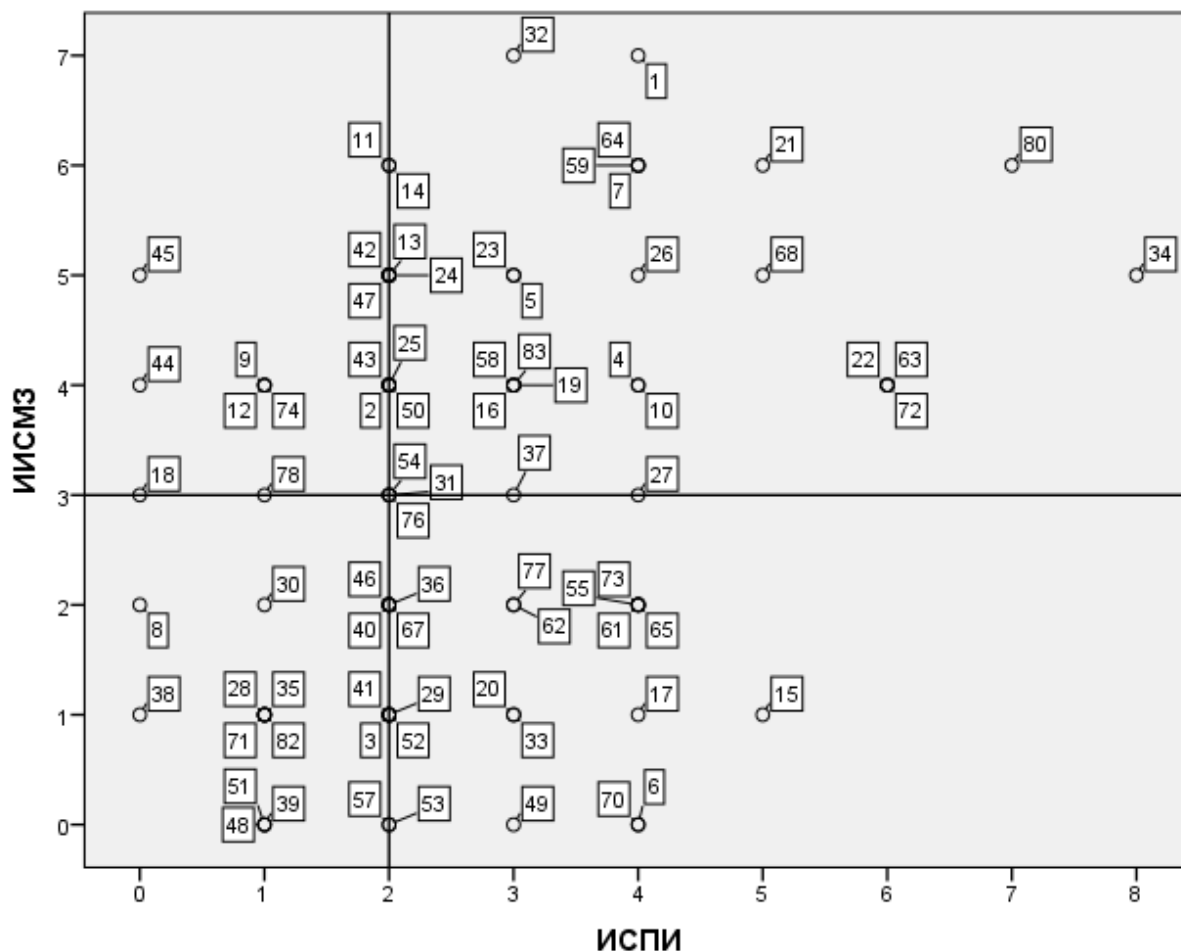

Рис. Диаграмма рассеяния региональных показателей индекса исторического содержания мемориальных законов (ИИСМЗ) в зависимости от показателей индекса специфики политической истории (ИСПИ)

Форма облака точек отражает тенденцию, при которой с увеличением одного параметра увеличивается и другой, на что указывают концентрации точек в левом нижнем и правом верхнем секторах диаграммы, а также пустое пространство в правом нижнем секторе. Иначе говоря, если «объективные основания» для производства исторических нарративов достаточно сильны, то они, как правило, закрепляются в «законах памяти».

Выявленная тенденция наиболее характерна для 23 субъектов РФ, точки-символы которых расположились в правом верхнем секторе¹, и прежде всего для Кабардино-Балкарии, Калининградской области, Крыма, Северной Осетии – Алании, Татарстана, Тывы и Чечни. Данные субъекты оказались весьма активными в актуализации репертуаров событий и персонажей собственных исторических нарративов и их закреплении в «законах памяти». В этой связи следует подчеркнуть, что регионалистские амбиции местных элит в 1990–2000-е гг. в значительной степени были связаны со спецификой политической истории этих территорий.

С другой стороны, при столь же высоких значениях ИСПИ (≥ 3) специфика политической истории слабо или вовсе не нашла отражения в «законах памяти» 13 регионов, точки-символы которых оказались в нижнем правом секторе². Большинство из этих субъектов также продуцировали в 1990-е гг. регионалистские проекты, ориентированные на изменение своего статуса в составе федерации. Между тем ситуация с мемориальным законодательством в них показывает, что одних только «объективных оснований» оказывается недостаточно. Особое место в этом ряду занимает кавказская республика. Несмотря на «пятерку» по ИСПИ, принятие в 2017 г. рамочного закона «Об увековечивании памяти выдающихся деятелей, заслуженных лиц, а также исторических событий в Республике Дагестан», в мемориальном законодательстве пока не удалось углубиться в историю, определиться в условиях полиэтничности с общей исторической датой, более ранней, чем день принятия республиканской конституции в 1994 г. Вне выявленной тенденции также оказались регионы, для которых при показателях ИСПИ ниже медианных характерны высокие значения ИИСМЗ (≥ 3)³.

Заключение

А. И. Миллер в ходе дискуссии «Политика памяти в России, странах ЕС и государствах постсоветского пространства: типология, конфликтный потенциал, динамика трансформации», состоявшейся 1 марта 2018 г. в ИНИОН РАН, напомнил, что для историка сравнительное исследование – это не только «способ получить ответы», сколько «способ постановки вопроса»: «почему здесь случилось так, когда там случилось по-другому» [Методологические вопросы..., 2018, с. 184].

Проведенное нами сравнительное исследование, с одной стороны, выявило статистическую взаимосвязь между спецификой политической истории и историческим содержанием мемориальных законов субъектов РФ – она оказалась положительной и значимой, с другой стороны, продемонстрировало то, что в практиках коммеморации исторических событий не все определяется собственно историей. Репертуар актуализированного прошлого, нашедший выражение в рассмотренных законах о праздничных и памятных датах, в каждом конкретном случае формировался в результате взаимодействия региональных властвующих элит с профессиональными историками и общественными активистами. Разработка инструментария для сравнительного анализа сценариев взаимодействия мнемонических акторов в субъектах РФ и количественного измерения факторов, влияющих на историческую политику в части принятия региональных «законов памяти», выступает задачей нового исследования.

Примечания

¹ Республики: Адыгея (1), Башкортостан (7), Бурятия (10), Ингушетия (19), Кабардино-Балкария (21), Калмыкия (23), Карачаево-Черкессия (26), Карелия (27), Крым (34), Саха (Якутия) (83); Северная Осетия – Алания (63), Татарстан (68), Тыва (72) и Чечня (80); Краснодарский край (32); Амурская (4), Архангельская (5), Калининградская (22), Ленинградская (37) и Самарская (58) области, города федерального значения Санкт-Петербург (59) и Севастополь (64); Еврейская АО (16).

² Республики Дагестан (15) и Хакасия (77); Забайкальский (17) и Красноярский (33) края; Астраханская (6), Иркутская (20), Омская ((49), Псковская (55), Сахалинская (61), Свердловская (62), Смоленская (65), Томская (70) и Тюменская (73) области.

³ Республика Удмуртия (74), Брянская (9), Волгоградская (12), Ивановская (18) и Мурманская (44) области, Ненецкий (45) и Ханты-Мансийский (78) АО.

Список источников

- Закон о праздниках и памятных датах Колымы, скорее всего, не будет принят [Электронный ресурс] // Колыма.ru. 2016. 11 ноября. URL: <https://kolyma.ru/index.php?newsid=63711> (дата обращения: 10.11.2022).
- Конституция Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/935100256> (дата обращения: 10.11.2022).
- Конституция Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/800200771> (дата обращения: 10.11.2022).
- О внесении изменений в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» (об установлении памятной даты России «11 ноября – День окончания Великого стояния на реке Угре (1480 год)»): законопроект № 739088-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/739088-7> (дата обращения: 10.11.2022).
- О праздничных днях и памятных датах в Карачаево-Черкесской Республике: проект закона № 251-V [Электронный ресурс]. URL: <https://parlament09.ru/antikorrupt/expertiza/251-v/> (дата обращения: 10.11.2022).
- Первые в СССР: как полуостров боролся за свою автономию [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2021. 20 января. URL: https://crimea.ria.ru/20210120/Pervye-v-SSSR-kak-poluostrov-borolsya-za-svoyu-avtonomiyu_-1115925261.html (дата обращения: 10.11.2022).
- Татарстан противостоит стоянию на Угре [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2017. 13 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3495564> (дата обращения: 10.11.2022).
- Устав города Севастополя [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/413801002> (дата обращения: 10.11.2022).
- Устав Саратовской области [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/933007412> (дата обращения: 10.11.2022).
- «Чрезвычайно важно, чтобы наши народы не поссорили!»: как прошел Хэтер көне – 2021 [Электронный ресурс] // Бизнес online. 2021. 15 октября. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/525899> (дата обращения: 10.11.2022).

Библиографический список

- Дорская А.А., Дорский А.Ю.* Мемориальные законы как инструмент легитимации власти // Вестник С.-Петербур. ун-та. Право. 2020. Т. 11, вып. 1. С. 223–238.
- Зайцев М.В.* Историческая география России: учеб. пособие. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. 204 с.
- Касьянов Г.В.* Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI века // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 28–55.
- Копосов Н.Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
- Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.
- Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.
- Малинова О.Ю., Ефремова В.Н.* Коммеморации исторических событий и государственные праздники как инструменты символической политики // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 115–132.
- Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.
- Миллер А., Малинова О., Ефременко Д.* Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
- Морозов С.А., Морозова Е.В.* Политическая мифология: региональный аспект // Культура. Политика. Молодежь: сб. науч. ст. Вып. 4. Ч. 2. М., 2001. С. 101–115.
- Назукина М.В.* Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации. М.: Новый хронограф, 2021. 174 с.
- Репина Л.П.* История регионов, или «Территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 5–16.

- Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2023. 471 с.
- Соколов А.К. Историческая география: учеб. пособие. М.: Русское слово, 2016. 472 с.
- Туровский Р.Ф. Политическая география: учеб. пособие. М.; Смоленск: Изд-во Смолен. гос. ун-та, 1999. 381 с.
- Фролов А.А. Динамическая карта как основа исторической карты в среде ГИС // Историческая информатика. 2017. № 2. С. 61–73.
- Шнирельман В.А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // История края как поле конструирования региональной идентичности / под ред. И.И. Куриллы. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2008. С. 4–28.
- Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX в. // Вестник Евразии. 1998. № 1-2. С. 131–152.
- Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Олкотт, И. Семенова. М.: Гендальф, 2001. С. 12–33.
- Fitjar R. Explaining Variation in Sub-State Regional Identities in Western Europe // European Journal of Political Research. 2010. Vol. 49 (4). P. 522–544.
- Hooghe L., Marks G. Community, Scale and Regional Governance. Oxford: Oxford University Press, 2016. 224 p.
- Jenne E., Saideman S., Lowe W. Separatism as Bargaining Posture: The Role of Leverage in Minority Radicalization // Journal of Peace Research. 2007. Vol. 44 (5). P. 539–558.
- Rode M., Pitlik H., Borrella-Mas M.A. Does Fiscal Federalism Deter or Spur Secessionist Movements? Empirical Evidence from Europe // Publius. The Journal of Federalism. 2018. Vol. 48 (2). P. 161–190.
- Rokkan S. Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development // Building States and Nations: Models and Data Resources / eds. by S. Eisenstadt, S. Rokkan. London: SAGE Publications, 1973. Vol. 1. P. 73–91.
- Rokkan S., Urwin D. Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe // Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism / eds. by S. Rokkan, D. Urwin. London; Beverly Hills: SAGE Publications, 1982. P. 1–17.
- Siroky D., Cuffe J. Lost Autonomy, Nationalism and Separatism // Comparative Political Studies. 2015. Vol. 48 (1). P. 3–34.
- Sorens J. The Cross-Sectional Determinants of Secessionism in Advanced Democracies // Comparative Political Studies. 2005. Vol. 38 (3). P. 304–326.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.04.2022

MEMORIAL LAWS OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SPECIFICITY OF REGIONAL HISTORY: TOOLS FOR COMPARATIVE STUDIES

I. K. Kiryanov

Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Lenin str., 13a, 614990, Perm, Russia
Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
ikiryanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2866-877x
ResearcherID: AAH-5458-2020

P. V. Panov

Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Lenin str., 13a, 614990, Perm, Russia
panov.petr@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0759-7618
ResearcherID: O-2160-2016

The study deals with the historical content of the memorial laws of the constituent entities of the Russian Federation, its dependence on the specifics of the political history of the territories of Russian regions. A qualitative analysis of the initial data made it possible to identify some trends in the purposeful reflection of regional historical features in the laws, such as emphasizing the uniqueness of the contribution to the development of Russian statehood; the inclusion of events that occurred before the territory of the modern region became part of the Russian state; interpretation of the nature of the inclusion of the territories of national republics into Russia. To conduct a comparative quantitative study, original tools were developed – the index of the specifics of political history (the values of regional indicators vary from ≥ 0 to ≤ 9) and the index of the historical content of memorial laws (the values of regional indicators vary from ≥ 0 to ≤ 8). Correlation analysis revealed a statistical relationship between the specifics of political history and the historical content of the regional “laws of memory” – it turned out to be positive and significant. At the same time, the study confirmed that in the practice of commemoration of historical events, not everything is determined by history itself. The repertoire of the actualized past, which found expression in laws, in each case was formed as a result of the interaction of regional ruling elites with professional historians and social activists. The development of tools for a comparative analysis of scenarios for the interaction of mnemonic actors in the constituent entities of the Russian Federation and the quantitative measurement of factors influencing historical policy in terms of the adoption of regional memorial laws is the task of a new study.

Key words: politics of memory, constituent entity of the Russian Federation, memorial laws, regional political history, comparative analysis.

References

- Dorskaya, A.A. & A.Yu. Dorskiy (2020), “Memorial laws as an instrument for the legitimization of power”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, № 1, pp. 223–238.
- Fitjar, R. (2010), “Explaining variation in sub-state regional identities in Western Europe”, *European Journal of Political Research*, vol. 49 (4), pp. 522–544.
- Frolov, A.A. (2017), “Dynamic map as the basis of a historical map in a GIS environment”, *Istoricheskaya informatika*, № 2, pp. 61–73.
- Hooghe, L. & G. Marks (2016), *Community, Scale and Regional Governance*, Oxford UP, Oxford, UK, 224 p.
- Jenne, E., Saideman, S. & W. Lowe (2007), “Separatism as bargaining posture: The role of leverage in minority radicalization”, *Journal of Peace Research*, vol. 44 (5), pp. 539–558.
- Kasyanov, G.V. (2016), “Historical policy and the “memorial” laws in Ukraine: early 21st century”, *Istoricheskaya ekspertiza*, № 2, pp. 28–55.
- Koposov, N.E. (2011), *Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii* [Strict-high security memory: history and politics in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 320 p.
- Lyubavskiy, M.K. (2000), *Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiey* [Historical geography of Russia in connection with colonization], Lan', St. Petersburg, Russia, 304 p.
- Malinova, O.Yu. (2018), “The Politics of Memory as a Domain of Symbolic Politics”, in Miller, A.I. & D.V. Efremenko (eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory], Nestor–Istoriya, St. Petersburg, Russia, pp. 27–53.
- Miller, A.I. & D.V. Efremenko (eds.) (2018), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory], Nestor–Istoriya, St. Petersburg, Russia, 224 p.
- Miller, A., Malinova, O. & D. Efremenko (2018), “Politics of memory and historical science”, *Rossiyskaya istoriya*, № 5, pp. 128–140.
- Miller, A.I., Malinova, O.Yu. & D.V. Efremenko (eds.) (2023), *Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie: monografiya* [The politics of memory in Russia – a regional dimension: a monograph], INION RAN, Moscow, Russia, 471 p.
- Morozov, S.A. & E.V. Morozova, (2001), “Political mythology: regional aspect”, in *Kul'tura. Politika. Molo-dezh'* [Culture. Policy. Youth], iss. 4, vol. 2, Moscow, Russia, pp. 101–115.
- Nazukina, M.V. (2021), *Etnichnost' v politike identichnosti rossiyskikh respublik: grani institutsionalizatsii* [Ethnicity in the identity policy of the Russian republics: facets of institutionalization], Novyy hronograf, Moscow, Russia, 174 p.
- Repina, L.P. (2019), “History of the regions, or “Historian’s territory” after spatial turn”, *Dialog so vremenem*, iss. 69, pp. 5–16.
- Rode, M., Pitlik, H. & M.A. Borrella-Mas (2018), “Does Fiscal Federalism Deter or Spur Secessionist Movements? Empirical Evidence from Europe”, *Publius. The Journal of Federalism*, vol. 48 (2), pp. 161–190.
- Rokkan, S. (1973), “Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development”, in Eisenstadt, S. & S. Rokkan (eds.), *Building states and nations: Models and data resources*, SAGE Publications, London, UK, vol. 1, pp. 73–91.

- Rokkan, S. & D. Urwin (1982), "Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe", in Rokkan, S. & D. Urwin (eds.), *Politics of territorial identity: Studies in European regionalism*, SAGE Publications, Beverly Hills, London, UK, pp. 1–17.
- Shnirelman, V.A. (2008), "Identity, culture and history: a provincial perspective", in Kurilla, I.I. (ed.), *Istoriya kraya kak pole konstruirovaniya regional'noy identichnosti* [History of the region as a field for constructing regional identity], Izd-vo VolSU, Volgograd, Russia, pp. 4–28.
- Shnirelman, V.A. (1998), "From confessional to ethnic: Bulgar idea in the national identity of the Kazan Tatars in the XX century", *Vestnik Evrazii*, № 1–2, pp. 131–152.
- Shnirelman, V.A. (2001), "The value of the past: ethnocentric historical myths, identity and ethnopolitics", in Olcott, M. & I. Semenov (eds.), *Yazyk i etnicheskii konflikt* [Language and ethnic conflict], Gendal'f, Moscow, Russia, pp. 12–33.
- Siroky, D. & J. Cuffe (2015), "Lost autonomy, nationalism and separatism", *Comparative Political Studies*, vol. 48 (1), pp. 3–34.
- Sokolov, A.K. (2016), *Istoricheskaya geografiya Rossii: uchebnoe posobie* [Historical geography of Russia: study guide], Russkoe slovo, Moscow, Russia, 472 p.
- Sorens, J. (2005), "The cross-sectional determinants of secessionism in advanced democracies", *Comparative Political Studies*, vol. 38 (3), pp. 304–326.
- Turovsky, R.F. (1999), *Politicheskaya geografiya: uchebnoe posobie* [Political Geography: study guide], Izd-vo SSU, Smolensk, Russia, 381 p.
- Zaitsev, M.V. (2006), *Istoricheskaya geografiya Rossii: uchebnoe posobie* [Historical geography of Russia: study guide], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, Russia, 204 p.